

МАРИНА СЕРОВА



**За чужие
грехи**

Сериял

"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова
За чужие грехи
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319082

За чужие грехи: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-42052-0

Аннотация

К пожилой учительнице однажды пришла странная девица и заявила, что она – ее крестница Алена. Добрая женщина порекомендовала ее своей знакомой – и вот уже девушка работает в крупной компьютерной фирме. Но подозрения не оставляли учительницу: и вела себя девушка странно, да и приметы не сходились – у настоящей Алены с детства остался на бедре шрам от ожога. Неужели ее обманывают? Но зачем?.. Те, кто подослал лжекрестницу, не предполагали, что учительница обратится за помощью к бывшей ученице – частному детективу Татьяне Ивановой... Любимые и верные советчики – магические кости, – а также собственная интуиция быстро помогли Тане разобраться и понять, что Алена-самозванка связана с бандой, которая занимается крупномасштабным грабежом компьютерных фирм. Но знание – это одно. Теперь главное – действие...

Марина Серова

За чужие грехи

Господи боже мой! Опять утро начинается этим проклятым телефонным трезвоном. Ну иду я, иду, только вот выберусь из-под теплого одеяла и нашарю тапочки.

Процедура нашаривания тапочек и натягивания халата благополучно завершилась, и я поплелась к настойчивому источнику раздражения. Нет, я прямо уже слышу, не поднимая трубки, что мне скажут. «Это Татьяна Иванова?.. Вы действительно... гм, гм... частный детектив? Мне посоветовали обратиться к вам мои друзья, вы им очень помогли... У меня такое щекотливое дело». Этот текст, в тех или иных вариациях, я слышу вот уже несколько лет, и почему-то, как правило, либо рано утром, либо поздно вечером, почти ночью. Может, люди думают, что если я, Татьяна Иванова, являюсь частным детективом, то мне и спать не нужно? Или они предполагают, что я работаю исключительно ночью, а днем отсыпаюсь?

Ладно, хватит ворчать, до телефона мы уже добрались, снимем трубку и послушаем, какое же новое дело мне хотят подсунуть с утра пораньше:

– Алло.

– Тань, привет, ты уже не спишь? Молодчина!

Господи, если это клиентка, то какие бы деньги она ни

предложила, я не возьмусь за ее дело. Какая наглость!

– Простите, а с кем я говорю?

– Танька, это же я, Олеся, ты что, со сна ничего не воображаешь?

Ага, вот именно. Со сна я вообще не способна воображать. Судя по всему, это не клиентка: наверное, какая-то моя знакомая... но у меня нет знакомой по имени Олеся... Хотя погодите, погодите...

– Олеся, господи, сто лет тебя не слышала! И не видела...

– Ну правильно, как школу закончили, так и не виделись! – с энтузиазмом прокричала Олеся. Судя по всему, она совершенно не изменилась, все такая же неудержимая активистка. – Почему я тебе и звоню! Ты помнишь нашу Ирину Николаевну, ну, учительницу истории?

Еще бы мне ее не помнить, мы все ее очень любили, чудесная женщина. Но вклиниться в поток Олесиных фраз было абсолютно невозможно. Поэтому я безропотно слушала ее монолог.

– У нее завтра день рождения, и мы решили всем классом это отпраздновать, заодно и соберемся, друг на друга посмотрим. Складываемся по столынику – пятьдесят ей на подарок, пятьдесят – на угощение. Встречаемся в пять часов, в нашем классе, деньги отдашь прямо там. Не опаздывай, хорошо?

– Хорошо, – умудрилась вставить я свою реплику и собралась задать ей कुछ вопросов, но услышала:

– Ну и ладненько, до завтра. Мне еще столько народа надо обзвонить, я с тебя начала. Пока. – С этими очень обрадовавшими меня словами Олеся отключилась. Я даже не успела попрощаться. Олеся в своем репертуаре!

Господи, и почему я оказалась в начале ее списка, за что мне так не повезло, я могла бы еще хоть немножко поспать! Теперь мне придется начинать свой день ни свет ни заря – в половине седьмого, – потому что заснуть уже не удастся. Одно радует – позвонила не клиентка, и работать мне сегодня не надо, потому что очередное дело я закончила неделю назад, а нового у меня пока нет.

Поскольку завтра мне предстоит встреча с одноклассниками, сегодня я с полным правом могу потратить весь день на прочесывание магазинов – все-таки надо показаться там во всей красе. Да и какой-нибудь подарок Ирине Николаевне от себя присмотреть не мешает: я же была у нее любимой ученицей и очень рада буду вновь ее увидеть. Вот только для меня абсолютно неясным осталось, что с собой брать – сто рублей или сто долларов?

Мои сомнения разрешились непосредственно на вечере «Встречи выпускников любимого класса Ирины Николаевны» (ничего я не придумываю, именно такая табличка была наклеена на дверь нашего класса).

Первым человеком, встреченным там мною, была Олеся, которая деловито отобрала у меня деньги – сто долларов, объяснив, что доллары или рубли собираются в зависимости

от доходов дарителя, но количество их одинаково – сто, не больше и не меньше. Затем она похвалила мое узкое длинное платье из темно-зеленого шелка с глухим воротником-стойкой и очень открытой спиной. Ответный комплимент она, к сожалению, не услышала, поскольку убежала на другой конец класса руководить накрыванием стола. А я отправилась поздравлять Ирину Николаевну и общаться с менее шумными и занятыми бывшими одноклассниками.

Как я рада всех видеть! Хорошо все-таки, что Олеся нас собрала, да еще по такому приятному поводу. Как же я по всем соскучилась! А Ирина Николаевна все такая же – умная, энергичная, обаятельная, даже не скажешь, что ей сегодня исполняется пятьдесят пять лет.

Все очень шумно, весело и бестолково:

– Танька, ну расскажи нам, как ты ловишь преступников?

– Каких преступников, она же не в милиции? Она следит за неверными мужьями и женами и обезвреживает шантажистов. Да, Тань?

– Да ну вас всех! – отбрыкивалась я от наседающих на меня одноклассников. – Не хочу я говорить о работе, это скучно. Ирина Николаевна, расскажите, как ваши нынешние ученики – лучше нас или хуже?

– Ну, – улыбается Ирина Николаевна, – как же можно умудриться быть хуже вас?

Все смеются, соглашаются, и разговор переходит на что-то другое. Слава богу, мою персону оставили в покое.

Нет, оказалось, что я напрасно обрадовалась, не оставили. Причем именно человек, от которого я ничего подобного не ожидала. Как только мы все разбрелись на группки по интересам, ко мне подошла Ирина Николаевна.

– Таня, прости мне мое любопытство, но поверь, что оно вовсе не праздное. Ты действительно стала частным детективом?

– Да, а что, не похожа? – улыбнулась я.

– На сложившийся стереотип, конечно, не похожа. У тебя нет ни трубки, ни огромных усов, ни, на худой конец, двух «кольтов» за поясом. Ты слишком женственная и хорошенькая, чтобы называться «типичным частным детективом». Но мне кажется, что у настоящего частного детектива самый главный инструмент – мозги. А также аккуратность, необходимые знания и самодисциплина. Все это у тебя всегда было. Так что я уверена, что ты настоящий профессионал, – подытожила свои вполне для меня лестные размышления моя бывшая учительница.

– Вы нарисовали такой замечательный портрет, жалко, что он имеет мало общего с моей особой, – скромно, как, впрочем, и подобает такому выдающемуся светилу частного сыска, ответила я.

– Имеет, имеет, не лицемерь, – безапелляционно заявила Ирина Николаевна.

– Хорошо. Согласна абсолютно со всем. Да, а вы же сказали, что интерес у вас не праздный, – вспомнила я, – что-

то случилось?

– Да как сказать – и да, и нет, – задумчиво произнесла Ирина Николаевна.

– Рассказывайте! – решительно подтолкнула я ее. Ладно, поработаю для любимой учительницы, тем более что я уверена, это какая-нибудь ерунда. Ну что у нее может приключиться серьезного?

Мы тихонько выскользнули из класса и забрались в крошечную комнатку, набитую учебными пособиями. Ирина Николаевна открыла форточку, закурила и задумалась. В ожидании, пока она приведет в порядок свои мысли, я тоже затянулась и попыталась поудобнее устроиться на каком-то сундуке. Наконец Ирина Николаевна решилась и начала свое повествование:

– Видишь ли, Танечка, так получилось, что своей семьи я не создала. Вполне обычная учительская беда, – усмехнулась она, – и сейчас, если не считать моих учеников и немногих не очень близких друзей, я довольно одинока. А месяц назад ко мне приехала и сейчас у меня живет дочь моей очень близкой подруги. Подруга эта умерла двенадцать лет назад, мужа у нее не было. Девушку зовут Алена, она моя крестница. Я не видела ее двенадцать лет: после смерти матери ее тут же забрала двоюродная тетка и увезла в Челябинск.

Мы с этой самой теткой некоторое время переписывались, потом переписка заглохла. А тут Алена приезжает, приходит ко мне, говорит, что вернулась в родной город, поскольку с

теткой жить нет никакой возможности, а в Тарасове она рассчитывает получить образование и найти работу. Я, конечно, очень ей обрадовалась и предложила пожить у меня, пока уладятся все проблемы с квартирой.

Ирина Николаевна замолчала, и я задала закономерный вопрос:

– А какие у нее проблемы с квартирой?

– Обмен. Челябинск на Тарасов.

– Так у нее в Челябинске квартира? Откуда?

– В Тарасове у них с матерью была квартира, и когда тетка забирала Алёну, она и квартиру обменяла. Наверное, думала, что Алёна, когда вырастет, будет жить там. А получилось – снова обратный обмен.

– Ясно. А сколько Алёне лет?

– Двадцать один.

– И что же вас смущает? Кстати, Алёна поступила куда-нибудь, как хотела?

– Нет, она провалилась. Хотела поступить в юридический, не получилось. Сейчас ищет себе работу.

– А пока живет на ваши деньги?

– Да нет, что ты! У нее есть, она привезла с собой. И, насколько я понимаю, не так уж и мало. Беспокоит меня совершенно не это.

– А что же? Говорите, не бойтесь. Я привыкла выслушивать самые различные предположения, даже самые нелепые.

– Вот-вот! – обрадовалась Ирина Николаевна. – Именно

нелепые. Понимаешь, как бы это сказать... Мне кажется, что Алена – это не Алена.

– То есть? – не поняла я.

– Ну она просто выдает себя за Алену. Но это мне, наверное, только кажется.

– Интересно, интересно. А почему у вас появились такие подозрения?

– Это, конечно, глупость. И он у нее просто мог исчезнуть, – рассеянно проговорила Ирина Николаевна, закури-
вая вторую сигарету.

– Кто мог исчезнуть? – терпеливо спросила я.

– Шрам. Шрам от сильного ожога. На бедре. Когда ей было четыре с половиной годика, она очень сильно обожглась. Когда Алена уезжала, этот шрам оставался. Вряд ли он мог бесследно исчезнуть.

– А он абсолютно исчез?

– Да, я видела ее в купальнике – совершенно гладкая кожа, никаких следов.

– В принципе это возможно. Все-таки детская кожа заживает гораздо лучше. Шрам мог и совсем исчезнуть. А кроме отсутствия этого шрама, у вас есть еще какие-нибудь сомнения?

– Определенного ничего нет, – неуверенно ответила Ирина Николаевна, – просто я не чувствую, что это дочь моей подруги Марины, что это моя крестница. Не чувствую, понимаешь? – Я в ответ кивнула.

Ирина Николаевна продолжала:

– Все какие-то мелочи, но, собравшись вместе, они наталкивают меня на мысль, что эта девушка только выдает себя за Алену. Шрам просто послужил последним доказательством. Именно поэтому я и решила обратиться к тебе – не идти же с этим в милицию. Мне кажется, для таких случаев и существуют частные детективы, не так ли?

– Да, это точно. Именно для таких. И вы хотите, чтобы я разузнала, кто эта Алена на самом деле и что ей нужно, так?

– Так. Если это не очень обременит тебя. И конечно, я не смогу платить тебе твой обычный гонорар, так что ты свободна в своем решении.

Я ненадолго задумалась, взвешивая все «за» и «против», и наконец огласила свое «свободное решение»:

– Ирина Николаевна, я попробую в этом разобраться, но ничего вам не обещаю. Гонорар я, конечно, никакой от вас не возьму – мне просто интересно это дело. И берусь я за него исключительно из профессионального любопытства. Выяснить, является ли ваша постоянщица той самой Аленой, довольно сложно, но я постараюсь. Будьте добры, скажите мне ее полное имя, имя ее матери и, желательно бы, ее адрес в Челябинске.

– Ее зовут Алена Викторовна Дементьева, мать – Марина Вадимовна Дементьева, адрес... адрес... где тут моя записная книжка? Ага, вот он адрес. Записать тебе? – Я кивнула, и Ирина Николаевна начеркала что-то на клочке бумажки.

Мельком взглянув на адрес, я с радостью убедилась, что и в городе Челябинске есть улица Строителей.

А также наверняка есть улица Юбилейная и проспект Ленина. С трудом оторвавшись от топографических раздумий, я продолжила нашу беседу:

– Годы рождения?

– Марины – сорок седьмой год, Алена родилась в семьдесят восьмом году.

– А день рождения когда, не помните?

– Ну как же, помню. Двенадцатое февраля.

– Ясно, Водолей. Дурацкий знак. А вы не скажете, Ирина Николаевна, внешне эта девушка походит на Алenu? Ну, вы меня понимаете?

– Да, конечно. Ты знаешь, Танечка, походит – она очень похожа на Марину, но, кажется, есть что-то и от отца. Нет, к внешности у меня претензий нет – очень похожа.

– Понятно. И еще вот что – мне бы надо с ней познакомиться, увидеть ее собственными глазами, поговорить.

– Ну разумеется, приходи ко мне в гости, там ее и увидишь. Приходи завтра. Сможешь?

– Да. Договорились, Ирина Николаевна. Посмотрим, что там у вас за Алена.

Разговор мы закончили очень вовремя, поскольку наше убежище как раз в этот момент раскрыли мои любимые одноклассники во главе с Олесей. Они вытащили нас на свет божий, и праздник продолжился. А я выкинула на время из

головы все мысли о предстоящей работе.

Домой я вернулась не так уж и поздно – был одиннадцатый час, самое время поработать, что я и начала делать еще на лестнице. Правильно сказала Ирина Николаевна, что главное оружие частного детектива – мозги. Вот и будем это оружие активно использовать, пока оно не заржавело.

Итак, что нам нужно узнать? Две вещи – Алена ли та девушка, которая проживает в данный момент в доме Ирины Николаевны, и если не Алена, то зачем ей все это понадобилось?

Ответ на первый вопрос я буду искать в милиции – надо будет завтра с утра заскочить туда и упросить ребят сделать запрос в Челябинск. Но на это уйдет довольно много времени, ведь делать они это будут полуофициально, а по-сему мне все-таки придется искать ответ на второй вопрос, еще не разобравшись с первым.

Процесс интенсивного использования мозгов был в самом разгаре, а обладательница этих замечательных мозгов тем временем ввалилась в собственную квартиру, переделалась и уютно устроилась на кухне. Ничто так не помогает расследованию, как чашечка хорошего кофе и сигарета, и никто меня в этом не переубедит.

Обеспечив себя достаточным запасом кофе (полный термос) и сигарет, я приступила к анализу ситуации. Ну-с, пока мы не можем уверенно сказать, Алена это или не Алена, примем за рабочую гипотезу версию Ирины Николаевны,

что это самозванка. В противном случае моя работа не имеет никакого смысла.

Хотя присутствие-отсутствие смысла в нашем будущем расследовании мы с тобой, Танечка, можем определить хоть сейчас. Старым испытанным способом: спросим у нашей мудрой высшей инстанции. Так, где тут она?

Я вытащила свои гадальные косточки, сформулировала самый главный вопрос, который волновал меня на данной стадии расследования, и кинула кости. Кости сообщили мне следующее:

28+9+20 – «Делу, которое вы столь смело предприняли, обеспечен успех».

Ну что же, и на том спасибо. Стало быть, кости тоже не сомневаются в том, что подозрения Ирины Николаевны и мои будущие труды не напрасны? Примем к сведению и будем думать дальше.

Так, и чего же понадобилось этой барышне от Ирины Николаевны? Грабить одинокую немолодую учительницу истории вряд ли кому-то придет в голову – что у нее можно взять? Ценностей у Ирины Николаевны никаких нет, это я знаю точно – была у нее дома, и не один раз. Живет она в старом купеческом доме, у нее две комнаты в коммуналке, сам дом только что не разваливается. Поэтому версия о том, что кому-то понадобилась квартира Ирины Николаевны, тоже отпадает: слишком уж сложный путь для получения не очень-то ценной площади. Да, вот что меня смущает – очень

сложный путь, который должен чем-то оправдываться. Результат должен быть, братцы, результат! Это ведь не просто – найти настолько похожую девушку, впихнуть в нее все необходимые сведения, которые сначала надо было еще и разузнать, а затем заслать «казачка», вернее «казачку».

Такая игра должна обязательно стоить свеч. Так что же это могут быть за «свечи»? Большие деньги. Наследство? Слишком невероятно – откуда у Ирины Николаевны большое наследство? Что, эта Алена рассчитывает заставить Ирину Николаевну написать завещание в ее пользу? И таким образом ей перейдет все это огромное мифическое наследство? Маловероятно, Ирина Николаевна женщина совсем не такого склада, чтобы в ее цветущем, можно сказать, возрасте писать завещание. Или эта девушка собирается жить с нею до глубокой старости? Бред, бессмыслица. Не бессмыслица это предположение о наследстве только в одном случае – если Алена или тот, кто ее послал, являются сонаследниками Ирины Николаевны. Тогда либо мою учительницу хотят убрать, и все становится слишком серьезным, либо Алена призвана оградить Ирину Николаевну от информации о том, что она является наследницей. А тем временем можно будет опротестовать завещание и переделать его. Тогда эта самая Алена должна сидеть дома безвылазно для того, чтобы перехватывать корреспонденцию и возможных посетителей – адвокатов, душеприказчиков. Интересно, часто ли девушка отлучается из дома? И как ведет себя дома? Нет, мне определенно

надо понаблюдать за ней в неофициальной обстановке, простой визит тут не годится. А что же тогда годится? Ведь не поселишься же ты на коврике у двери Ирины Николаевны?

И нечего иронизировать, Танюша. На коврике, может быть, не поселюсь, а вот в одной из комнат Ирины Николаевны – почему бы и нет? Недельку поживу, мне хватит, чтобы во всем разобраться.

И, кстати, в мою дурную голову пришел еще один вариант, правда, очень бредовый – дом у Ирины Николаевны довольно старинный, кажется, еще начала века, так почему бы не предположить, что в доме спрятан какой-то клад? В конце концов, я сейчас обязана рассмотреть любые возможности. Пока я не проработаю все версии, мне следует относиться к ним терпимо. И если мне придется искать клад – что ж, буду его искать. Я обещала помочь Ирине Николаевне, и я ей помогу.

Решено – с завтрашнего дня я живу у Ирины Николаевны. Надеюсь, что она не будет против. Но это все завтра, а сегодня я с ног валюсь от усталости, хочу спать. И частные детективы имеют право на отдых.

* * *

Доброе утро, Танечка. С новым днем тебя, солнышко! Ты у меня такая умная, красивая, у тебя всегда все получается, что бы ты ни задумала. Вот и сегодня тебя ждет потрясающе

удачный день. Вставай, моя самая любимая!

Нет, я еще не сошла с ума, и раздвоения личности у меня тоже нет. Просто я старательно следую рекомендациям какого-то женского журнала, который вчера подвернулся мне под руку. А там было сказано: «Вы будете счастливы и удачливы, если сумеете убедить в этом прежде всего себя». И еще: «Каждое ваше утро должно начинаться с комплиментов и ласковых слов». Но не попугая же мне заводить на тот случай, когда по утрам никого под рукой не оказывается?! Вот и приходится – все самой, все самой.

Но это утро действительно неплохое – хорошо, по крайней мере, уже то, что меня не разбудили телефонным звонком в половине седьмого утра, а проснулась я абсолютно самостоятельно в половине девятого.

И поскольку у меня нет никаких срочных дел (дело Ирины Николаевны я назвать срочным ну никак не могу), можно не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой принять душ, выпить кофе, выкурить сигарету и чего-нибудь пожевать.

* * *

Проделав все привычные утренние манипуляции в непривычно медленном темпе, я решила, что уже созрела для работы и пора осуществлять выработанный накануне план – напрашиваться в гости к Ирине Николаевне – и по дороге заскочить в родную и любимую милицию, загрузить ее рабо-

той (а то вдруг ей делать нечего?).

Итак, звоним Ирине Николаевне.

– Алло.

– Доброе утро, не могли бы вы позвать к телефону Ирину Николаевну?

– Конечно, подождите минуточку. – Это наверняка и есть Алена. Голос очень приятный, вежливая.

– Слушаю вас, – послышался наконец в трубке хорошо модулированный голос Ирины Николаевны.

– Ирина Николаевна, это Таня. Я вчера дома все обдумала и пришла к выводу, что нужен не единичный визит, мне надо пожить у вас, чтобы к ней присмотреться. – Все это я выпалила не переводя дыхания, с места в карьер. И добавила: – Это удобно?

– Да, Танечка, конечно, удобно. Переселяйся хоть сейчас, я буду очень рада, – спокойно ответила Ирина Николаевна.

– Легенда будет такая – мне дома необходимо сделать какой-то ремонт. Скажем, поменять сантехнику. Кстати сказать, это и в самом деле не мешало бы сделать. И само собой разумеется, что нормальный человек в квартире, где меняют сантехнику, жить не сможет. А я вполне нормальная. Ну, как вам?

– Конечно, Танечка, ты можешь спокойно пожить у меня. Не церемонься, пожалуйста, и переезжай хоть сейчас. Я очень буду тебе рада, и ты никого не стеснишь. Напротив, я тебя познакомлю с Аленой, и вам будет не скучно. Догово-

рились?

Эти фразы явно были рассчитаны на Алёну, которая, должно быть, появилась в зоне слышимости. Так, интересно, что это – простое любопытство или контроль телефонных разговоров? Надо будет следить и за этим – система это или случайность.

– Таня, что ты там, задумалась? – вывел меня из раздумья голос Ирины Николаевны.

– Простите, Ирина Николаевна, действительно задумалась. Я приеду часа через два. Вы дома будете?

– Да, Танечка, приезжай.

– Вот и хорошо. И я тоже очень надеюсь, что нам будет не скучно.

Ирина Николаевна ещё раз заявила, что она в этом уверена, мы попрощались, и я повесила трубку.

Следующие полчаса ушли на лихорадочные сборы и обдумывание очень занимавшего меня вопроса – убьют меня сейчас в милиции или сжалятся и согласятся ещё раз помочь? Нет, я понимаю, конечно, что в последнее время я совсем обленилась и норовлю переложить на них часть работы. По хорошему, я должна сама съездить в этот самый Челябинск и лично узнать все об Алёне Викторовне Дементьевой. Но поскольку эту поездку мне никто не оплатит – на Ирину Николаевну я работаю из чисто альтруистических соображений, – то я туда и не поеду. И в конце концов, почему я должна туда ехать, если эти друзья могут запросить все сведения и через

пару дней они уже будут в Тарасове? И вообще, я перетаскала им столько пива и шоколада, что ментам грех жаловаться! Успокоив свою совесть такими рассуждениями, я схватила вещи, которые решила взять к Ирине Николаевне, наговорила на автоответчик какую-то чепуху, выключила все, что можно и нужно было выключить, и покинула наконец свою квартиру.

Господи, и чего же я понапихала в эту проклятую сумку? Такое ощущение, что к Ирине Николаевне я переезжаю по крайней мере на полгода! Фу-у, еле до машины доволокла. Вот она, моя бежевая «девяточка» (только вчера ее помыли, поэтому я с чистой совестью могу утверждать, что она действительно бежевая), стоит, меня дожидается. Бросив свою жуткую сумку на заднее сиденье, я перевела дух. Так, теперь купить по дороге пива – и в милицию!

* * *

Эффектно развернув машину у здания Главного управления и тут же уплатив штраф за неправильную парковку, я вылезла из «девятки» и двинулась ко входу в сие здание. Штраф несколько ухудшил мое замечательное утреннее настроение, поэтому вышедшего ко мне Мельникова я встретила довольно странной фразой:

– На, держи свое пиво, выпиши мне пропуск, и пошли к тебе, а то пьются все, как будто бабу первый раз увидели.

Или я такой уж неземной красоты женщина, что от меня глаз оторвать никто не может?

– Да нет, – флегматично отозвался Мельников, привыкший уже к моим странным заявлениям и претензиям. Он неторопливо нацарапал что-то на пропуске, взял у меня сумку с пивом и повел меня наверх. Пройдя один лестничный пролет, он вдруг сообщил мне следующее: – Грубая ты все-таки, Танька. Ни здрасте, ни как я рада тебя видеть живым и здоровым, ни как твои дела. Нет, сует пиво какое-то и командует. А пялятся на тебя все вовсе не потому, что ты такой уж неземной красоты. Просто они, наверное, решили, что ты особо ценный в информационном отношении кадр, который мы выловили сегодня ночью. У нас рейд был по значным местам. А ты больно на них смахиваешь – разрезик у тебя на юбке слишком уж заметный.

Я посмотрела на свою узкую черную юбку до колен и поняла наконец, почему мне так легко идти и почему на меня мужики пялятся.

– Это не разрез, – радостно объявила я, – это «молния» разошлась. Хорошо еще, что она у меня на боку, потому как разошлась аккуратно до самого пояса. Жалко, хорошая была юбка.

– Могу одолжить тренировочные брюки – больше ничего нет. Хоть до дому без приключений дойдешь, – заботливо предложил Мельников.

– Да нет, спасибо. Без приключений я не могу. А в маши-

не у меня есть джинсы, переоденусь. И даже еще одна юбка имеется.

Тут мы наконец-то добрались до кабинета моего друга и вошли внутрь этого замечательного помещения. Правда, кабинетом это можно было назвать с натяжкой, апартаменты больше напоминали гроб или коробку для обуви. Мельников втиснул меня на стул между шкафом и столом и поинтересовался:

– А чего это ты возишь с собой джинсы и юбки? По магазинам моталась или переезжаешь?

– Ага, переезжаю. На время. Охота к перемене мест обуяла.

– Ясно. А к нам чего зашла? Тоже по этой причине?

– Нет, к вам меня завело неумеренное любопытство и желание развлечь вас работой. Плата высокая, – я кивнула в сторону сумки с пивом, – соглашайся.

– Нет, нет, Танька, и не надейся, – замотал головой Мельников, – по пятницам я не поддаю. Да с тобой только свяжись, сразу – куча неприятностей. Даже и не мечтай!

– Ну солнышко, ну тебе же почти ничего не придется делать, – взмолилась я. – Мне нужна только информация. Не секретная. И все, а?

– В прошлый раз ты говорила то же самое, а в итоге меня чуть из милиции не выгнали. В позапрошлый – подстрелили.

– Какое там подстрелили? Ты чего? Царапина была, маленькая.

На это Мельников начал орать, что была не царапина, а огромная рана, нанесшая непоправимый вред его здоровью. Потом перешел на обсуждение моего мерзкого характера, осудил дурацкую привычку ничего не делать самой, а перекладывать свою работу на его хрупкие плечи. Тут он, правда, припомнил, что я еще отрываю от дел полковника Кирсанова. Так, время от времени. Но основная тяжесть, как правило, ложится все-таки именно на него.

Я решила переждать этот поток красноречия: все равно знаю, что, как только Мельников выговорится, он мне непременно поможет. Кирсанов, кстати, реагирует еще хуже – он сразу же начинает меня выталкивать за дверь и орать, что он ничего не видит, не слышит, а меня просто не знает. Но зато к Кирсанову я могу обратиться, когда сама никак не могу справиться, когда мне непременно нужна помощь официальных органов. Поэтому по пустякам я стараюсь его не дергать, а по пустякам я дергаю исключительно Мельникова, который, кстати, уже выговорился и наконец поинтересовался:

– Ну и чего тебе надо, зануда?

– Ничего особенного. – В ответ на это он тяжело вздохнул и вопросительно уставился на меня. Я продолжила: – Мне надо узнать как можно больше о гражданке Дементьевой Алене Викторовне, семьдесят восьмого года рождения, рожденной в городе Тарасове и уехавшей из него двенадцать лет назад в Челябинск. В Челябинске жила вместе с теткой. Адрес... адрес. – Я порылась в сумочке, вытащила клочок,

на котором был челябинский адрес Аленушки, и протянула его Мельникову.

Он со вздохом взял адрес, приписал к нему остальные сообщенные ему сведения и спросил:

– И чего тебе конкретно надо? Ее криминальное прошлое? Мафиозные связи? Разборки, в которых она участвовала до отъезда в Челябинск?

– Очень смешно. Я же тебе талдычу уже битый час, что хочу очень и очень банальные сведения – проживает ли она по-прежнему в Челябинске, жива ли ее тетка, чем они обе занимаются? Было бы неплохо узнать, не вляпалась ли она во что-нибудь. Вот и все. По-моему, это не так уж сложно.

Когда я договорила эту фразу, в мельниковский гроб-кабинет ввалился Кирсанов. Шел он явно с какими-то деловыми вопросами, поскольку в руках у него была куча разбухших от бумаг папок, ну и лицо соответствующее. Увидев меня, Кирсанов расцвел и очень радостно поздоровался. Я отнюдь не обольщалась насчет источника этой радости: ясно было, что радуется он, во-первых, пиву, а во-вторых, тому, что пристаю я не к нему, а к его подчиненному.

– Привет, Танюша. Ишь, Мельников, как тебе повезло – гений частного сыска одарил тебя своим вниманием. На огонек забежала или эксплуатацией занимаешься, капиталистка?

– Эксплуатирует, – с готовностью ответил Мельников и тут же подробно доложил, что этой негодяйке понадобилось

на этот раз.

Кирсанов выслушал, погладил несчастного по голове и сказал:

– Работай, работай, мальчик. Все равно эта особа от тебя не отвяжется. И вот тебе еще парочка-другая «висяков». – С этими словами Кирсанов свалил на стол внушительную гору папок и пояснил: – Васильев еще долго проваляется на больничном, начальство велело разобрать его дела. Ну ладно, я пошел, у меня работы по горло. Спасибо, Танечка, за пиво.

С этими словами, вытянув из сумки пару бутылок, Кирсанов смылся в неизвестном направлении.

Мельников тяжело вздохнул, негромко проронил вслед Кирсанову банальную непечатную фразу, тоскливо посмотрел на меня и поинтересовался:

– Тебя через три дня устроит?

Я активно покивала головой: еще бы.

Мельников подумал и добавил:

– И одним пивом ты не откупишься. Я требую в качестве платы за моральный ущерб... Ну, скажем... ужин в кафе. Идет?

– Идет, обжора. Выписывай пропуск, и через три дня я кормлю тебя ужином.

Мельников подписал пропуск и зарылся в свои папки, а я пошла к выходу, то и дело ловя на себе обалдевшие взгляды пробегающих мимо ментов и дожидających своей очереди посетителей. Да-а, сейчас главное – благополучно дойти до

машины и там переодеться. И чего так смотреть – как будто ног никогда не видели! Надеюсь, я все же выберусь из этого здания достаточно благополучно и меня не задержат за непристойный вид.

* * *

Фу, и не задержали, и джинсы удалось натянуть практически без особых проблем, проделав, правда, пару гимнастических трюков.

Все, теперь можно спокойно ехать к Ирине Николаевне, где я смогу «не скучно проводить время» в обществе Алены.

До дома Ирины Николаевны я доехала без особых приключений. По дороге я еще раз обдумала все «за» и «против» своего переселения и решила, что делаю все правильно. Если это настоящая Алена, то я просто поживу несколько дней у любимой учительницы и пообщаюсь с ее крестницей, а если нет – то мое присутствие там просто необходимо, поскольку, каковы бы ни были мотивы подобной мистификации, это в любом случае опасно.

Вот и дом Ирины Николаевны. Старинный купеческий особняк, который превратили в огромную коммуналку – в двухэтажном доме сейчас было около десяти квартир. Квартира Ирины Николаевны, к примеру, была когда-то спальней, а теперь в ней две комнаты и закуток, имитирующий кухню. Кстати, где, интересно, я буду жить? На кухне? И за-

чем в мою дурную голову пришли эти дурные версии, для проверки которых мне необходимо пожить какое-то время у Ирины Николаевны? Ладно, теперь уже поздно отступать: я со своей зверски тяжелой сумкой стою перед дверью в нужную мне квартиру. Делаем приятное лицо и ждем на кнопку звонка. Держу пари, что откроет мне дверь именно Алена.

– Здравствуйте, вы, наверное, Таня. – Пять с плюсом, Танечка, твоей интуиции. Очень улыбчивая, симпатичная, выглядит чуть моложе своих лет – этакая славная восемнадцатилетняя девочка. Первое впечатление – положительное? Да, пожалуй.

– Здравствуйте, – так же чинно ответила я, – а вы, наверное, Алена?

Вот и познакомились.

Алена уступила мне дорогу, деятельно пыталась помочь внести ставшую совершенно неподъемной сумку. Нет, ну чего я туда наложила? Из так называемой кухни выглянула Ирина Николаевна, приветливо улыбнулась и сказала:

– Располагайся, Танечка. Алена, похозяйничай. Сейчас будем пить чай.

Ирина Николаевна исчезла, а Алена начала активно хозяйничать – дотащила меня с сумкой в одну из комнат, объяснив по дороге, что она очень рада моему приезду, что надеется на возникновение между нами искренней симпатии и нежной дружбы.

Я в ответ выражала полное и абсолютное согласие, радо-

валась своему ремонту как поводу к такому замечательному знакомству. Но все это я говорила абсолютно автоматически, потому что мысли мои были заняты совершенно другим: я начала разбирать свой багаж и обалдела. Я слушала щебетание Алены, поддакивала и тупо разглядывала содержимое неподъемной сумки. Наконец-то я выяснила, почему она была такая тяжелая: не иначе как, находясь в состоянии полного умственного затмения, я сунула в нее свой длинный кожаный плащ с подстежкой. Ну скажите, люди добрые, зачем он мне в середине сентября, если надеваю я этот плащ где-то в октябре—ноябре. Я чего, собралась тут жить? Или подготовилась к резкому похолоданию климата? Господи, спасибо хоть валенки не захватила! Впрочем, их у меня нет. Очень досадное упущение.

Встреча с собственным плащом не прошла для меня даром: добрую половину информации, которую мне выдала Алена, я пропустила мимо своего ошеломленного сознания. Что-то там насчет одиночества и соседства. И что, кажется, жить мы с ней будем в одной комнате. Тут я сказала, что хотела бы переодеться, и Алена с милой улыбкой выпорхнула за дверь. А я вытянула из сумки легинсы и майку, кое-как напялила их и задумалась – а вдруг это самая настоящая Алена? И она действительно такая одинокая соседка, и ее надо развлекать, и она будет таскаться за мной хвостом всю мою оставшуюся жизнь? Господи, сделай так, чтобы это была ненастоящая Алена и чтобы замышляла она какое-ни-

будь преступление, а уж я это преступление раскрою. Все, что угодно, только бы она не прилипла ко мне в качестве верного друга.

Мои размышления прервала Ирина Николаевна:

– Танюша, идем пить чай. Нормально устроилась?

– Да, все в порядке, тут очень уютно. Надеюсь, я не стесню

Алену?

– Уверена, что нет. Алена сама это предложила.

Ответив именно на тот вопрос, на который я хотела получить ответ, Ирина Николаевна выплыла из комнаты. Вслед за ней вышла я.

* * *

Мы пили чай и очень мило болтали о каких-то пустяках, а я все не могла решить для себя вопрос – Алена или не Алена? И почему она сама предложила, чтобы я жила именно в ее комнате? Если Алена – либо из вежливости, либо потому, что скучно. Если не Алена – она хочет за мной проследить или хочет показать, что ей нечего скрывать, или... Ну, я не знаю! Ладно, оставим это пока, вернемся лучше к разговору:

– Так куда же ты хотела поступать? – Я еще в комнате потребовала, чтобы мы перешли на «ты», а то, мол, кажусь себе слишком старой. Алена с охотой согласилась.

– В юридический, – ответила Алена и с улыбкой продолжила: – Баллов недобрала. Сейчас вот работу ищу. А ты чем

занимаешься?

– Коммерцией. Помаленьку. – И ничуть не соврала: у меня же частный бизнес? Частный. Деньги я получаю за свою работу? Да, и не такие уж маленькие. Стало быть, занимаюсь я именно коммерцией. Продаю, так сказать, свои мозги и уникальные способности.

– Собственное дело? – поинтересовалась Алена.

– Ага, – не стала распространяться я.

– Здорово. Я так не смогу. Мне необходимо начальство, инструкции, распоряжения и возможность проявлять инициативу лишь в жестких рамках.

– Это по молодости. У меня тоже такое было. Но недолго, – заметила я и, чтобы дальше не распространяться на эту тему, задала резонный вопрос: – Алена, а что ты умеешь делать? Какого рода работу ищешь?

– Наверное, секретаря-референта. Я в Челябинске окончила курсы и даже работала. Правда, недолго. И я очень неплохо разбираюсь в компьютерах.

– Программирование? – поинтересовалась я.

– Да нет, не до такой степени. Просто я классный пользователь. Работать могу практически со всем, что есть. Поэтому мечтаю устроиться именно туда, где надо иметь дело в основном с компьютером, хотя все остальное тоже умею.

– На работе не жаловались?

– Нет, что ты! Наоборот – уговаривали остаться. Но я очень уж не хотела жить в Челябинске, мечтала переехать

обратно в Тарасов – все-таки родной город.

Мы поговорили о том, какой замечательный у нас город, как хорошо жить именно там, где ты родился. В общем, вели самый обычный светский треп. Алена держалась вполне естественно, я даже почувствовала какую-то симпатию к ней. Все ее поступки вполне объяснимы – приехала в родной город, живет у своей крестной, поступала в институт, провалилась, ищет приличную работу. Все вроде бы нормально. Но почему у Ирины Николаевны возникли подозрения – не на пустом же месте?

Так, а что же я хотела спросить у Алены? Что-то ведь хотела! Ага, вспомнила:

– Алена, а как ты ищешь работу, если не секрет?

– Да очень просто – звоню по объявлениям, отправляю резюме.

– А как насчет личного контакта? – поинтересовалась я.

– Ну, это не очень-то удобно. Как я вот так приду с улицы и попрошусь на работу? Все предпочитают брать знакомых, тем более на ту должность, которая мне нужна.

– Секретарь-референт?

– Да, что-то в этом роде. Что ни говори – левая рука главы фирмы. – Алена подумала, улыбнулась и добавила: – Или даже правая.

Я улыбнулась в ответ, что-то одобрительно промычала и подумала, что и это желание вполне объяснимо – карьеру девочка хочет сделать, очень неплохо. Работу, конечно, ищет

странновато. В чем-то она, безусловно, права, но если уж следовать ее теории, то ей надо не по объявлениям звонить, а искать и налаживать связи. Я бы, конечно, могла ей помочь, но не сейчас. Сначала мне надо убедиться, что она действительно Алена. И сдается мне, что так оно и есть.

Однако продолжим светский разговор:

– Алена, а чем ты еще занимаешься, кроме поиска работы?

– Ой, Аленька такая домоседка, помогает мне по хозяйству, – отозвалась Ирина Николаевна. Она не очень активно участвовала в нашем разговоре, а тут вмешалась: – Все больше дома сидит. Разве что ходит иногда в магазин, да и то вместе со мной. Хотя нет, ходит еще в кафе. Тут у нас недалеко замечательное кафе, где варят самый лучший в Тарасове кофе. Так утверждает Алена. И посещает его очень часто.

Я изобразила живейший интерес, выразила жгучее желание посетить это кафе, сообщила, что тоже не представляю себе жизни без кофе. Алена обещала взять меня с собой, но как-то странно, без особой готовности и восторга. Хотя это может объясняться очень просто – она любит пить кофе в одиночестве.

Но взять на заметку эту интересную особенность моей подопечной все же не помешает, главное же я узнала – сначала от Алены, потом это настойчиво попыталась мне внушить Ирина Николаевна: Алена почти постоянно сидит дома. А значит, дурацкий вариант с кладом пока не отпадает.

Так же, как версия, что Алёну интересуется не сама Ирина Николаевна, а её жилище. Что, кстати, у нас с соседями?

Когда в моей бедной головушке возник этот вопрос, мы уже покончили с чаем, и Алёна начала быстро и умело убирать со стола, а затем наводить порядок в комнате, которая и без того блестела. Мою робко предложенную помощь Алёна отвергла, я не стала настаивать, а начала обдумывать, как бы невзначай спросить у Ирины Николаевны, как обстоят дела с соседями.

На помощь мне пришел неожиданный грохот за стеной. Стены в этом купеческом доме были толстые (настоящие, а не перегородки, сделанные уже позднее), но шум слышался очень отчетливо, из чего я заключила, что шумели довольно сильно.

– Ирина Николаевна, что это у вас тут творится? – Заметив её недоуменный взгляд, прибавила: – Какой-то грохот. Соседи буянят?

– Соседи, – ответила Ирина Николаевна, – только не буянят. Там, Танюша, твои товарищи по несчастью ремонт делают. Капитальный.

Ирина Николаевна помедлила и начала рассказывать очень подробно, очевидно почувствовав, что вопрос мой был задан не из праздного любопытства:

– Они купили практически половину нашего дома. А теперь делают ремонт, перепланировку, реконструкцию, лестницу винтовую сооружают и бог знает что еще.

– Новые русские? – заинтересовалась я. Еще бы – очень подходящий мотив: ограбление, слежка, да мало ли что.

– Не знаю, наверное. Я еще с ними не познакомилась, они какие-то очень шевбутные. Да и по виду не похожи. Хозяин появляется крайне редко, он, по-моему, вообще не живет в Тарасове. А жена его и еще какая-то дамочка – возможно, сестра – часто тут бывают. Присматривают за рабочими, со стройматериалами приезжают. Так по ним не скажешь, что новые русские.

– Почему? – Мне действительно стало интересно.

– Не знаю, – Ирина Николаевна задумалась.

Пока она формулировала свою мысль, на мой вопрос внешне ответила Алена, которая до этого не принимала участия в нашем разговоре:

– Наверное, потому, что они кажутся нормальными людьми – без непременно желания выпендриться, доказать всем, что могут позволить себе тратить деньги направо и налево. Да и одеты очень обычно. И сотового телефона у них нет.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Ирина Николаевна.

– Ты была в школе, а соседка зашла позвонить. Зовут ее Ольга, вторая – ее подруга, у Ольги – двое детей, мальчик и девочка.

Пока Алена выкладывала эти сведения, я пыталась понять, интересуют ли ее соседи более, чем нужно? Не знаю. Мне кажется, они вызывают в ней любопытство и симпатию,

ничего другого. Но полностью сбрасывать их со счетов нельзя – все же эти люди смогли купить половину особняка в престижном районе, и даже если они не носят золотых цепей и шиншилловых манто, это еще ни о чем не говорит... Мои размышления прервал звонок в дверь, Алена пошла открывать. Я наклонилась к Ирине Николаевне и шепотом спросила:

– Она часто остается дома одна, без вас?

– Практически каждый день часа на два-три, пока я в школе. Ну и по делам ухожу иногда.

Наш разговор пришлось прервать, поскольку в комнату вернулась Алена вместе с женщиной, при виде которой челюсть у меня удержалась в нормальном положении только усилием воли: очень уж оригинально она выглядела – тридцатилетняя симпатичная особа с очень дорогой прической, великолепным макияжем, маникюром, в безумно изящных и дорогих туфлях. Еще на ней были потерявшие даже намек на форму тренировочные брюки – по-моему, мужские, и клетчатая рубашка. Ирина Николаевна приветливо кивнула ей и улыбнулась, из чего я заключила, что это, видимо, и есть та самая новая соседка. Алена подтвердила мое предположение, объяснив:

– Оля просит разрешения еще раз воспользоваться телефоном.

– Конечно, пожалуйста, – отозвалась Ирина Николаевна и сделала приглашающий жест по направлению к телефону.

Соседка с совершенно безумным и расстроенным видом молча кивнула и кинулась к аппарату. Нервно набрала номер и начала выстукивать какую-то мелодию пальцами по телефонной тумбочке. Ждать ей пришлось недолго, поскольку на том конце провода, видимо, ответили, потому что оригинальная женщина внезапно заорала в трубку:

– Русик, у вас все в порядке? Дай мне Лесю, живее!.. Леся? Леся, я потеряла деньги и документы!.. Что? Нет, удостоверение лежит у меня в сумочке. Но больше ничего нет! Абсолютно!.. Что? На тумбочке? И деньги?.. Ты моя умница! Захвати их, и идите с Русиком сюда – мне надо расплатиться с рабочими. Ага, жду!

Ольга повесила трубку, перевела дух и повернулась к нам с безукоризненной светской улыбкой. Мы же, все трое, сидели с очень несветскими, изнывающими от любопытства физиономиями. Ольга, видимо, это почувствовала, потому что очень любезно нам разъяснила:

– Дурацкая рассеянность – выложила из сумки все документы и деньги, которые муж оставил на месяц. И совершенно об этом забыла. Сейчас хватилась – думала, потеряла. Чуть удар не хватил. Слава богу, Леся все нашла и сейчас принесет, сегодня я должна расплатиться с рабочими.

– А Леся – это кто? – рискнула спросить я.

– Дочка. Вся в отца пошла – аккуратная, внимательная, всегда все помнит и знает. Я бы без нее пропала. А сын весь в меня. – Ольга вздохнула, улыбнулась нам еще раз, побла-

годарила и вышла из комнаты. Алена отпросилась ее провожать, а я подумала о том, что Ирина Николаевна вполне могла и ошибиться в своих подозрениях. Почему именно сейчас мне пришла в голову эта мысль – не знаю. Наверное, на фоне этой самой Ольги Алена показалась мне очень нормальной, естественной и правдоподобной. Я подошла к окну и увидела, что наша недавняя посетительница уже спустилась на улицу и стоит у подъезда, нетерпеливо постукивая ногой в безупречной туфельке. Я обернулась к Ирине Николаевне:

– Странная особа, вы не находите?

– Очень милая, по-моему, – безмятежно ответила она, – а дети у нее просто прелесть.

Немножко опешив от такого заявления, я вновь посмотрела в окно и увидела, как к подъезду нашего дома приближаются девочка лет девяти и мальчик лет тринадцати. Это явно были дети Ольги, поскольку она очень им обрадовалась, стала что-то говорить и шагнула им навстречу. Они вместе вошли в подъезд, а я непонятно зачем бросилась к входной двери. Алена как раз вышла вынести мусор, и дверь была приоткрыта.

Я услышала детский голосок и обомлела:

– Мам, ты опять опоздаешь на работу. Ну почему ты никогда не смотришь на свой график? Давай быстрее переоденься и беги. Мы захватили твои вещи, халат тебе я погладила, деньги – вот, держи. Тут ровно столько, сколько надо отдать рабочим, и тебе на пачку сигарет. Папа велел тратить

аккуратно, потому никаких бананов и пирожных нам не покупай.

– А на дорогу? – жалобно спросила Ольга.

– А на дорогу у тебя есть проездной. И если ты поторопишься, то машину ловить тебе не понадобится.

Протестующих возгласов Ольги я не разобрала, поскольку соседи уже захлопнули дверь в свою квартиру.

После этого подслушанного разговора меняхватило только на то, чтобы рухнуть на скамеечку для обуви около входной двери. Это не ребенок, это кошмар! А в мою дурную голову еще иногда забредают робкие мысли о замужестве и воспитании детей. А вдруг, не дай бог, у меня воспитается вот такое сокровище, как эта Леся?! И будет мне выдавать в день пачку сигарет и проездной на месяц. Зато я, кажется, знаю, зачем могла поселиться здесь Алена: если ее интересуют соседи – ей, наверное, поручили выкрасть этого уникального ребенка. Остается только выявить заказчика – либо Кунсткамера в Санкт-Петербурге, либо... либо – Министерство финансов. Эта Леся быстренько нашла бы у них все невесь куда пропадающие деньги и вообще навела бы полный порядок. Выдавала бы на все министерство одну пачку сигарет в день. И чтобы не тратиться на транспорт, заставила бы всех добираться на работу пешком. Нет, я тут точно с ума сойду. Чокнусь, не иначе. Версию с соседями, кроме шуток, придется отработать до конца, так что встречи с Лесей мне не миновать. Одна надежда – она, по молодости лет, контро-

лирует пока только дела своей несчастной мамы, и, возможно, мои сигареты останутся в полной неприкосновенности.

Когда я вышла из глубокой задумчивости, а лучше сказать, оцепенения, то увидела перед собой Ирину Николаевну, которая очень спокойным тоном, видимо, уже не в первый раз говорила:

– Таня, пойдем побеседуем на кухне, пока мы с Аленой не ушли за покупками.

– А... да, конечно. Извините, Ирина Николаевна, задумалась. Идемте.

Мы расположились на всем свободном пространстве помещения, которое Ирина Николаевна гордо называла «кухней». Мы с ней здесь помещались достаточно удобно, но вот третьему человеку деться было бы уже некуда, поэтому присутствие при нашем разговоре Алены автоматически исключалось. Очень даже неплохо!

Ирина Николаевна раскрыла настежь форточку, мы закурили, и она вопросительно посмотрела на меня.

– А чем занимается Алена сейчас? – осторожно осведомилась я. Мне хотелось выяснить, насколько свободно мы можем вести разговор.

– Не беспокойся, она нас не слышит, так же как мы ее, – правильно поняла мой вопрос Ирина Николаевна. – Она в своей комнате, делает английский перевод какого-то технического текста. Этим она немножко подрабатывает. А так как между кухней и комнатой стена капитальная, а не пере-

городка, то подслушивание исключено.

– Ясно. И часто она там сидит за своими переводами?

– Каждый день. Часа два утром и часа два вечером.

– И вы в это время к ней не заходите?

– Нет.

– А переводы ее вы когда-нибудь видели?

– Нет, я же не знаю английского языка. Если бы и увидела, все равно бы ничего не поняла. А почему ты спрашиваешь?

– Пытаюсь узнать как можно больше. И нащупать хоть какую-то ниточку. Вот, например, сейчас я выяснила, что у Алены есть возможность часа на четыре в день уединяться в своей комнате.

– И что?

– А то, что одна из моих версий базируется на том, что у вас в квартире спрятан какой-то клад. Причем ценность этого клада высока, потому что на его поиски тратится слишком много сил и средств. И эта Алена ищет клад. Пока вы дома – в своей комнате, когда вы уходите – по всей квартире.

– А еще какие у тебя есть версии? Эта слишком уж фантастична.

– Еще есть очень банальная версия – ваша квартира. Она надеется ее получить в недалеком будущем.

– Каким образом? Я ее что, пропишу? Только при условии полного впадения в маразм. Не раньше.

– Ну почему же, есть по крайней мере два пути. Первый – она заслужит вашу любовь и искреннее расположение, и

вы ее пропишете. Все-таки она ваша крестница, единственный, можно сказать, родной человек. Второй – более длительный, но тоже довольно реальный: она живет с вами некоторое время, ведет общее хозяйство, что очень хорошо смогут потом подтвердить ваши соседи. А потом у нее автоматически появляются права на жилплощадь в вашей квартире, и поскольку у вас нет ближайших родственников, то она вполне может стать единственной наследницей вашего недвижимого имущества.

– Это что, есть такой закон? – удивилась Ирина Николаевна.

– Есть, а как же. У нас еще и не такие законы имеются. Есть и такое – закачаешься. Как вам, кстати, моя версия?

– Очень интересно, – ответила Ирина Николаевна и спросила: – А как тебе, Танечка, видится моя будущность? Судя по всему, какой бы путь ни был выбран, по этой версии я просто обязана ликвидироваться тем или иным способом. Верно?

– Разумеется. Но я вас попытаюсь успокоить тем, что мне эта версия не нравится, и вот почему: ваша квартира – не такой уж лакомый кусочек, чтобы из-за нее городить огород. Ведь это надо было найти похожую девушку, узнать необходимые подробности о ее детстве, о ее родителях – словом, все, что она должна помнить. Кстати, она многое помнит?

– Достаточно. Причем очень странно, не по-детски, помнит такие вещи, которые ребенку не важны и не интересны, и

забывает то, что, как мне кажется, ребенок должен помнить. Я еще и поэтому стала подозревать ее.

– Ну вот видите, ее подготовили. Ну не верю я, что все это проделано ради того, чтобы присвоить небольшую квартиру в старом жилом фонде.

– Хорошо, ты меня почти убедила. А еще какие версии?

– Еще? Есть тоже очень фантастическая версия – наследство.

– Наследство? Да что после меня можно наследовать? – изумилась Ирина Николаевна. – У меня, кроме этой квартиры, вообще ничего нет, даже долгов!

– У вас – ничего. А вам?

– Мне? То есть я – наследница?! Чушь. Неоткуда.

– Возможно, вы просто не знаете. У вас родственники во время войны не пропадали?

– Пропадали. Дядя пропал без вести, двоюродную тетку с детьми угнали в Германию, тоже ничего не знаю о них. А при чем тут это?

– Ну, двоюродную тетку можно оставить в покое, а вот дядя – это вариант. Что мешает нам предположить, что он был в плену, не захотел возвращаться, смог сделать за границей карьеру, недавно умер и все деньги завещал вам?

– Здравый смысл мешает нам предположить подобное! – фыркнула Ирина Николаевна. – Но если мы и допустим этот бред, то каким боком это может относиться к Алене? Она же не является моей наследницей?

– Вариант первый – надеется хорошим поведением заслужить ваше расположение и стать наследницей. А до времени, когда она сможет вступить в права наследования, ее главная задача – не допустить, чтобы вы узнали о наследстве.

– Каким образом?

– Элементарно – контролировать вашу корреспонденцию и телефонные звонки.

– Ясно. А есть и второй вариант этой замечательной версии? – поинтересовалась Ирина Николаевна.

– А как же! Согласно этому варианту, Алена или люди, ее пославшие, тоже являются наследниками. И они очень заинтересованы в том, чтобы вы так и не узнали, что вам что-то причитается после смерти вашего родственника.

– Что ж, Танечка, спасибо, очень симпатичные версии. И самое симпатичное в них, что при любом раскладе одним из базовых элементов является моя быстрая и естественная смерть. Просто чудесно!

– Ну что вы, Ирина Николаевна! Есть и более приятные для вас версии. Одну я вам уже назвала – клад в вашей квартире. Есть еще вариант, по-моему, очень неплохой. Алена интересуется не вами, а вашими соседями. И есть, наконец, последний вариант.

Здесь я немного помолчала, и Ирина Николаевна нетерпеливо поторопила меня:

– Да? И что же за вариант?

– Тот, который всегда существует в любом деле, на началь-

ном этапе расследования – какой-то неизвестный нам мотив.

– Танечка, ты меня совершенно успокоила, – ядовито заявила Ирина Николаевна. – Мне очень нравится этот вариант. Надеюсь все-таки, что свою работу ты начнешь не с него.

– Нет, он сам потом всплывет, – безмятежно ответила я и добавила: – А начну я с клада и с соседей, поскольку эти версии сейчас легче всего проверить.

– Профессионалу видней, – улыбнулась Ирина Николаевна. – Не буду мешать, возможно, тебе в интересах следствия надо посидеть в тишине с трубкой и подумать. А мы с Аленой пойдем за продуктами. Не возражаешь?

– Наоборот, очень кстати. Я как раз смогу проверить, хотя бы частично, свою версию. Только вы ходите подольше, – попросила я.

– Постараюсь, – пообещала Ирина Николаевна. – Буду вывихивать ноги и дурно себя чувствовать каждые семь минут.

На этом наше тайное собрание закончилось, и Ирина Николаевна, захватив Алену, удалилась за покупками, а я, пожелав им счастливого пути, осталась в квартире полномочной хозяйкой.

Здраво рассудив, что с соседями я могу пообщаться в любой момент, в том числе и в присутствии Алены, я приступила к тщательному осмотру квартиры. Мне почему-то показалось, что, если я буду при Алене простукивать стены и искать возможный тайник, она может неправильно это истолковать. Если она настоящая Алена, то просто решит, что я сбежав-

ший интересный пациент и меня увлеченно разыскивают все ведущие психиатры нашего славного города Тарасова; ну а если она самозванка и моя версия с кладом окажется правильной, то меня пристукнут по затылку кирпичом, как курирующую фирму.

Итак, начнем, перекрестившись! Эх, давно я не искала кладов!

* * *

Фу-у, пот градом льет, тяжела работа кладоискателей. Я бы, конечно, с удовольствием передохнула, выпила кофейку и покурила, но время поджигает: вот-вот должны вернуться Ирина Николаевна с Аленой, а я еще обследовала только третью часть Алениной комнаты. Хорошо хоть, что соседи делают ремонт и шумят от души, а то бы я своим стуком весь дом переполошила, потому как в поисках тайника трудолюбиво простукиваю три капитальных стены, справедливо рассудив, что четвертая стена, являющаяся перегородкой, для меня интереса не представляет. Пока вроде ничего подозрительного нет, но надежды я не теряю.

Естественно, вещами Алены я тоже поинтересовалась, но сделала это очень осторожно и как можно более незаметно. Боже упаси, никакого обыска я не устраивала: во-первых, это неэтично – я все-таки частный детектив, а не НКВД, а во-вторых, бесполезно – если она является самозванкой, то вряд

ли будет держать дома что-то ее изобличающее. Поэтому я просто в целях расширения кругозора проверила ее сумочку и заглянула в пару мест, где типичные представительницы слабого пола обычно хранят свои секреты. В сумочке, как я и подозревала, абсолютно ничего подозрительного не обнаружилось, а единственным моим уловом оказалась фотография какого-то молодого человека, засунутая Аленой под подушку. Даже, можно сказать, не под подушку, а непосредственно в подушку – фотография покоилась в кармашке наволочки.

Молодой человек на фотографии не мог сообщить мне ничего нового: лицо его мне было абсолютно неизвестно (ни на Ди Каприо, ни на Абдулова не похож); на обороте карточки ничего не значилось (а жаль, мог бы начертать свой адрес и телефон); вид у него был вполне приличный и благонадежный – никакой связи с криминальным миром не просматривалось. Да и вообще это мог быть просто знакомый парень вполне обычной Алены из города Челябинска, крестницы моей Ирины Николаевны, начитавшейся детективов. А что девушка держит его фотографию в таком месте – так у кого каких странностей не бывает! С другой стороны, это может означать очень многое. Вдруг эта фотография не только Алениного парня, но и ее сообщника. А посему – продолжаем осмотр комнаты.

Глупостью я, конечно, сейчас занимаюсь, но у меня просто нет ничего лучшего: пока я не убедилась, что это не на-

стоящая Алена, пока я не получила подтверждения из Челябинска, у меня связаны руки. Единственное, чем я могу заняться на этом этапе, это проверить две свои маловероятные версии – с соседями и с кладом. Ну и еще, конечно, постараться проследить за всем, чем Алена занимается.

Ну-ка, чем она у нас занимается? Во-первых, делает английские переводы (господи, ну почему здесь такие высокие потолки, и как мне прикажете дотягиваться до самого верха?) и зарабатывает этим деньги (если я свалюсь с этого сооружения – стул на столе, – то набью себе неплохую шишку), почти никуда не отлучается, кроме как за покупками и в кафе. Вот в кафе – это интересно (нет, до самого верха я не дотянусь – слишком высокие потолки; будем надеяться, что устраивать тайник так высоко не придет в голову ни одному придурку). О чем это я? Ах да! О кафе! Это может быть ниточкой. А может и не быть, возможно, она действительно просто очень любит кофе?

В тот момент, когда я изо всех сил тянулась вверх, я услышала, что Ирина Николаевна и Алена вернулись и громко разговаривают в прихожей. То есть это Ирина Николаевна разговаривает, почти кричит, Алена чуточку удивленно ей отвечает. По всей видимости, Ирина Николаевна таким образом оповещает меня о том, что они пришли и мне пора сворачивать свою разыскную деятельность.

Рискуя свернуть себе шею и демонстрируя чудеса быстроты и ловкости, я спустилась, если так можно сказать, с небес

на землю и в считанные секунды бесшумно демонтировала свою импровизированную стремянку.

Когда Алена вошла в большую комнату, я уже сидела в кресле, погруженная всем своим существом в какую-то книгу.

Алена мне улыбнулась, прошла на кухню, а я перевела дух и заинтересованно посмотрела, что же за книжку я читаю с таким неослабевающим интересом? Да-а, остается надеяться, что Алена не обратила на нее особого внимания, поскольку оказалось, что я держу в руках справочник по сбору, заготовке и правильному применению лекарственных растений. Вряд ли это можно читать так же увлеченно, как детектив с кучей кровавых убийств и лихо закрученной интригой.

* * *

Вплоть до шести часов вечера день тянулся ужасно скучно: Ирина Николаевна просматривала конспекты к урокам, Алена прилежно корпела над переводом, а затем готовила ужин. Я развлекалась тем, что разрабатывала во всех подробностях все варианты версий с квартирой и с неожиданно свалившимся наследством. Ужин также прошел в очень спокойной атмосфере, мы мило беседовали, и я еще раз убедилась, что Алена очень обаятельная девочка.

Но, как я и ожидала, после ужина жизнь наша резко активизировалась: Алена объявила, что идет в кафе. Потом

она очень вежливо и ненастойчиво пригласила меня составить ей компанию. Получив отказ, она не очень огорчилась и упорхнула. Сказав Ирине Николаевне, что последую за ней, я двинулась в нужном направлении.

Алена шла по улице совершенно беспечно, не оглядываясь и не пытаясь выяснить, идет ли кто-нибудь за нею следом. Тем не менее я постаралась как можно талантливее сыграть в индейца на тропе войны и дойти с Аленой до кафе совершенно незамеченной.

Алена вошла в кафе, предварительно взглянув на часы, а я осталась снаружи. То, что она посмотрела на часы, могло говорить о том, что ей необходимо приходить сюда к определенному часу, или о том, что в прошлый раз она назначила здесь свидание, а могло и ни о чем не говорить. Я, например, тоже часто смотрю на часы – привычка у меня такая, причем если у меня спросить, который сейчас час, то я, скорее всего, не отвечу.

Ладно, это все лирика, Танечка. Ты бы лучше подумала, как тебе выяснить, что же происходит внутри кафе. Войти туда я не могу, стоять у окна, прижавшись лицом к стеклу и стараясь хоть что-то разглядеть, – тем более. Чего мне делать-то?

Пока я в нерешительности торчала у дверей кафе, не зная, как поступить, из кафе вышли два парня. Они постояли, попрощались, договорились о встрече, и один из них направился к автостоянке. Оставшийся молодой человек был в иде-

ально отглаженных черных брюках, кипенно-белой рубашке и имел на груди бейдж, из чего я заключила, что он работает в этом самом кафе. Это уже кое-что; что именно, пока не знаю, но использовать это надо. Молодой человек тем временем закурил и принялся заинтересованно меня разглядывать. Вообще-то зрелище я, наверное, представляла собой крайне занимательное. Стоит у дверей кафе какая-то ненормальная, ни туда, ни сюда, к тому же прилично одета, так что выпрашивание средств на пропитание исключается. И чего она тут околачивается?

Прочитала я все это в его не замутненных интеллектом очках и решила, что как раз этот мальчик и станет главной частью моего только что придуманного гениального плана. Итак, приступаем к выполнению оногo.

– Молодой человек, позвольте прикурить, – прощebetала я, вытаскивая из сумочки сигарету, поскольку молодой человек курил какую-то ерунду.

– Пожалуйста, – с готовностью вытащил зажигалку мой новый знакомый. Кстати, когда он подошел поближе, я смогла прочитать на его бейдже, что зовут его Корольков Андрей Иванович и что является он менеджером по поставкам. Замечательно!

Господин Корольков, действуя точно по моему плану, спросил:

– Девушка, а почему вы не заходите в наше кафе? Вам будут очень рады, заходите! У нас подают лучший в Тарасове

кофе, и не только. Или вы кого-то ждете?

Ну прямо прелесть какой молодой человек, сам идет на крючок!

– Понимаете, – взволнованно начала я, – у меня такая ситуация... необычная. Если бы вы согласились мне помочь, я была бы вам очень-очень благодарна.

Чтобы усилить впечатление, я беспомощно похлопала глазами и доверчиво уставилась на него.

– С удовольствием, если смогу, – приосанился мой герой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.